

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КНИГИ ПАВЛА УЛИТИНА «ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ»

Е. М. Кирякова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье представлен обзор основных идей современных исследователей и литературоведов о культурных, литературных и стилистических особенностях прозы культового писателя 1980-х годов Павла Улитина. Цель статьи – проанализировать проявления интертекстуальности в книге Павла Улитина «Путешествие без Надежды», охарактеризовав стилиформирующие функции этого феномена. Интертекстуальные единицы (аллюзии, реминисценции, цитаты, референции) являются неотъемлемой частью произведения. В результате исследования были найдены следующие виды интертекстуальных элементов: трансформированные и нетрансформированные цитаты, реминисценции и аллюзии. Интертекстуальные элементы включают в себя названия фильмов, музыкальных и литературных произведений, периодических изданий, цитаты из стихотворений и других литературных текстов русских и зарубежных писателей. В статье осмыслена важная роль цитат, реминисценций и аллюзий, проявленных на смысловом, художественном и стилистическом уровне произведения. Многочисленные интертекстуальные элементы не просто показывают широкий культурный и исторический контекст произведения Павла Улитина, но и придают многогранность его монологу. Они выражают самые разные идеи, не озвучивая их напрямую. Это делает прозу Улитина сложной для восприятия, но очень многогранной и интересной для изучения.

Ключевые слова: Павел Улитин, интертекстуальность; аллюзии; цитаты; монтажная проза; постмодернизм; авангардизм; реминисценции.

Введение

Павел Улитин, русский писатель, родился на Дону, в станице Мигулинской в 1918 году. После окончания школы поступил в московский Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ). Стал одним из инициаторов создания антисталинской коммунистической группы, за что был арестован в 1938 году, освобожден по состоянию здоровья. После увечий, полученных на допросах, на всю жизнь остался хромым. В 1940 году вернулся на Дон. После войны переехал в Подмоскovie и поступил в экстернат Московского государственного педагогического института иностранных языков. В 1951 году попытался пройти в посольство США, был арестован и помещен в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу, где содержался до 1954 года. После окончания института работал продавцом в книжном магазине, давал уроки английского языка. Писать Павел Улитин начал с юности, но ранние его сочинения не сохранились. В СССР произведения Павла Улитина распространялись в самиздате, а с 1976 г. изредка появлялись в эмигрантской периодике (журналы «Время и мы», «Синтаксис»). В России первые публикации состоялись в 1990-х гг.; в 2000-х гг. вышло три книги. Значительная часть наследия Павла Улитина не опубликована. Умер писатель в Москве в 1986 году.

Произведения Павла Улитина с трудом поддаются жанровому определению. Улитин, опираясь на открытия Джеймса Джойса, выработал соб-

ственный тип письма, не имеющий аналогов. «Я хочу найти слова, которые не имеют прибавочной стоимости», – писал Улитин, а свою писательскую технику называл «стилистика скрытого сюжета», которая образуется соединением техники потока сознания, авторских воспоминаний, цитат (в том числе иноязычных), обрывков диалогов и монологов необозначенных персонажей.

Писатель не описывает современную ему действительность. А. Урицкий пишет: «Улитин скрылся бегством, он сбежал в свободу письма. [...] Он прятался среди цитат. [...] Он укрывался в шуме голосов» [1]. Движение сюжета определяет смену образов и цитат, перекрестный гул звучащих в памяти голосов или иронический авторский комментарий. Эти особенности делают произведения Павла Улитина особенно интересными для изучения феномена интертекстуальности.

Обзор литературы

В книге «A Glossary of Literary Terms» М. Г. Абрамс говорит, что литература потока сознания «...преобразовывает историю внешних действий и событий в драму жизни нашего сознания». Он даёт следующее определение: «...поток сознания – это термин, применяемый к нарративной технике, которая подразумевает воспроизведение полного спектра и нескончаемого потока мыслительных процессов персонажа, в котором чувства и восприятия смешиваются с сознанием и полусознательными образами, воспоминаниями, ожиданиями, ощущениями и случайными ассоциациями» [4, с. 299].

Проблемами интертекстуальности занимались отечественные и зарубежные лингвисты и литературоведы: М. Риффатерр, Ж. Женетт, И. П. Смирнов, А. К. Жолковский, И. П. Ильин, И. В. Арнольд, В. Е. Хализев, М. Н. Эпштейн, Н. А. Фатеева и др. Благодаря их исследованиям концепция интертекстуальности получила свое развитие в XXI веке. Термин «интертекстуальность» был введен в 1967 теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Ю. Кристева, являясь представителем школы французского структурализма, понимает текст гораздо шире, чем вербальный текст. Она включает в понятие текста такие экстралингвистические реалии, как история, культура, сама жизнь. Р. Барт пишет: «Каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях: в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [5, с. 78].

Интертекстуальная теория Барта разрушает представление о том, что значение исходит от отдельного автора и является его собственностью. Аллен обобщает эту точку зрения, говоря, что «...современный сценарист, когда он / она пишет, всегда уже находится в процессе чтения и переписи. Значение исходит не от автора, а от интертекстуально рассматриваемого языка» [6, с. 74].

И. В. Арнольд определяет интертекстуальность как отражение процесса непрекращающегося взаимодействия текстов и мировоззрений в общей плоскости мировой культуры. Интертекстуальность проявляется за счет включения фрагментов или целых текстов с изменением субъекта речи, в виде цитат, аллюзий, реминисценций и других лексических заимствований [7, с. 14]. Интертекстуальность играет важную роль в установлении связи между различными литературными текстами, они оживляют в памяти исторические события прошлого и отсылают читателя к культуре других стран на самых разных этапах ее развития. Связь эпох и культур позволяет по-новому взглянуть на знакомую читателю тему; процесс интер-

претации интертекстуальных связей делает чтение более интересным.

Интертекстуальность не требует цитирования или ссылки (например, кавычек), и ее часто ошибочно принимают за плагиат. Интертекстуальность может быть создана в текстах с использованием различных функций, включая аллюзию, цитирование и отсылку [8, 9].

Элементы интертекстуальности – это аллюзии, цитаты и реминисценции. Н. А. Фатеева предлагает для них следующие определения: Цитата – «...воспроизведение двух и более компонентов текста-донора с собственной предикацией» [10, с. 122–159]. А. Вежицкая пишет, что цитата – это «...особый, перенесенный без изменений из какого-либо другого текста фрагмент, характеризующийся смысловой завершенностью, обозначением и ссылкой на используемый источник» [11, с. 75]. Н. Д. Арутюнова разграничивает понятия «цитация» и «цитирование», она относит термин «диалогическая цитация» к случаям использования реплик собеседника (или их фрагментов) в иных, часто оппозиционных, коммуникативных целях. Цитирование, в отличие от цитации, введение в текст отрывков других текстов. «Прагматическая ситуация цитирования предполагает трех участников: говорящего (автора текста), адресата и автора цитаты» [12, с. 50].

Аллюзия – «...заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация» [10, с. 122–159].

Реминисценции Фатеева описывает следующим образом: «Именная аллюзия иногда выступает как реминисценция. Под реминисценцией мы будем понимать отсылку не к тексту, а к событию из жизни другого автора, которое безусловно узнаваемо» [10, с. 122–159].

А. Супрун рассматривает текстовые реминисценции как отсылки к более или менее известным ранее прецедентным произведенным текстам в составе более позднего текста. Они могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях» [13, с. 17].

Термин «поток сознания» впервые появился в книге У. Джеймса «Principles of Psychology» (1890) [2, с. 224], чтобы описать непрерывный поток восприятий, мыслей и чувств в сознании человека; позже его стали использовать для описания повествовательного метода в современной художественной литературе. «Сознание [...] не возникает разделённым на части. Такие слова, как “цепь” или “ряд”, не могут быть его точным определением – ничто не соединено, всё плывёт. “Река” или “по-

ток” – это наиболее правильные определения сознания». Такой взгляд на мыслительный процесс стал импульсом для развития нового литературного подхода. Модернисты подхватили идеи Джеймса и начали создавать тексты, где доминирующей частью повествования стало воспроизведение потока человеческих мыслей. Поток сознания используется для демонстрации как субъективной, так и объективной реальности. Он раскрывает чувства, мысли и действия персонажа, часто следующие за ассоциативной, а не логической последовательностью, без комментария автора. Широко используется в романах начала XX века [3, с. 19].

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс аналитического, сопоставительного и когнитивного методов. В процессе обработки эмпирического материала, был использован метод контекстологического анализа, который позволил интерпретировать роль англоязычной интертекстуальности в произведении Павла Улитина «Путешествие без надежды».

Результаты и дискуссия

Интертекстуальные единицы (аллюзии, реминисценции, цитаты, референции) являются неотъемлемой частью произведения П. Улитина. Книга «Путешествие без Надежды» представляет собой ответ на реплики друга Павла Улитина Зиновия Зиника до его отъезда из СССР. «Я уехал до того, как эти тексты, эпистолярные по интонации, были собраны в книгу, где я с удивлением различаю вкрапления своих собственных слов. “Путешествие без Надежды” Улитина – это как бы ответ на три сотни страниц моих подражательных вербальных метаний в предотъездную эпоху», – пишет в предисловии Зиновий Зиник [14, с. 26].

Рассматриваемый текст содержит названия более 45 романов, рассказов, стихотворений и пьес: «Семья Тибо» (1922, Р. М. дю Гар), «Хождение по мукам» (1919–1921, А. Н. Толстой), «Весна в Фиалте» (1956, В. В. Набоков), «Похищение премьер-министра» (1923, А. Кристи), «Место наверху» (1960, Дж. Брейт), «Сильвия» (1913, Э. Б. Синклер), «Герцог» (1964, С. Бэллоу), «Силуэты русских писателей» (1906–1911, Ю. И. Айхенвальд), «Волны» (1931, Б. Пастернак), «Шпион, которого я любила» (1985, Э. Филби), «Евгений Онегин» (1831, А. С. Пушкин), «Путешествие в Арзрум» (1835, А. С. Пушкин), «Фиолетовые руки» (1895, В. Я. Брюсов), «Возмездие» (1917–1922, А. А. Блок), «Размышления» (70-е годы II в. н. э., М. А. Антонин), «Мне голос был» (А. А. Ахматова), «Любите ли вы Брамса?» (1961, Ф. Саган), «Черный обелиск» (1956, Э. М. Ремарк), «Земляничная поляна» (1968, Ю. Мориц), «Убить пересмешника» (1960, Х. Ли), «День триффидов» (1966, Дж. Уиндема), «Отныне и во веки веков» (1969, Джеймс Джонс), «Лес богов» (1957, роман Б. Сруога), «Водоворот» (1961), «Бесы» (1871–1872, Ф. М. Достоевский), «Игрок»

(1866, Ф. М. Достоевский), «Поэму конца» (1924, М. И. Цветаева), «10 лет спустя» (1847–1850, А. Дюма), «Четвертая проза» (1930, О. Мандельштам), «Инструмент» (1970, Дж. О’Хара), «Мнимые величины» (1952, Н. Нароков), «Собачий переулок» (1927, Л. И. Гумилевский), «Раковый корпус» (1963–1966, А. Солженицын), «Нос» (1937, Б. Ясенский), «Большая четверка» (1927, А. Кристи), «Камо грядеши» («Кво Вадис?») (1896, Г. Сенкевич), «Жан-Кристоф» (1904–1912, Р. Роллан), «Очарованная душа» (1923, Р. Роллан), «Конспект романа» (1965, В. Ф. Панова), «Опасные связи» (1782, Ш. де Лакло), «Война и мир» (1867, Л. Н. Толстой), «Луна слева» (1928, В. Билль-Белоцерковский), «Человек и сверхчеловек» (1903, Б. Шоу), «The Essential James Joyce» (1946, 1963, Г. Левин).

Среди них есть и отсылки к более ранним текстам самого Улитина:

«Даже **“Четырехэтажная тавтология”** выросла в 11 этажей»; «Была такая **“Тавтологи́я”**» (отсылка к тексту «Ворота Кавказа»); «Я увидел: хорошо, только слишком много абзацев. **“Фотография пулеметчика”** – пример и образец»; «Поскольку ты сам не знаешь, каково направление мыслей **“Хабаровского резидента”**, нет смысла на него намекать или его цитировать»; «**“Фиолетовые руки”** – страниц 300, не считая **“Ксенофоба”** (120 страниц)»; «**“Цикута”** пропала»; «Странные вещи начались в районе **“Четырех кварков”**. Скажем прямо, нечитабельные фразы»; «Прочитав вслух **“Разговор о рыбе”**, можно сделать такое заключение. Пора портить **“Разговор о рыбе”**. Глагол означает “зашифровать радиопередачу”. Телефон не позволял подслушивать, а как – это не имеет значения»; «Каким способом **разговор о рыбе** попал под “Красный телефон”, об этом нужно спросить Голубые Шорты»; «А про двух поэтов и стихи про колхозы – в **“Первой комнате”**», «Тут можно цитировать **“Хабаровского резидента”**. Был разговор о светском разговоре. До сих пор жалею, что Дорошевич не читал **“Она не арестована”**»; «**Макаров чешет затылок** на углу Б. Бронной». **Макаров чешет затылок**, но это не тот Макаров».

В тексте упоминаются названия 14 фильмов разных жанров: «Круг чистой воды» (1969), «Заблудшие» (1932), «Фараон» (1965), «Большая жратва» (1973), «Пришел солдат с фронта» (1972), «Оклахома как она есть» (1973), «Високосный год» (1961), «Возвращение Василия Бортникова» (1953), «Шахматная новелла» (1960), «Бабы рязанские» (1927), «Закон и кулак» (1964), «Признание комиссара полиции прокурору республики» (1971), «Расследование по делу гражданина выше всякого подозрения» (1969), «Пока арба не перевернулась» (1976, фильм-спектакль по пьесе О. Ш. Иоселиани) и 6 периодических изданий: российская газета для крестьян «Беднота» (1918–1931), советский и российский музыкальный критико-публицистический журнал «Музыкальная жизнь»

(с 1957), журнал о современном искусстве в России и за рубежом «Искусство» (с 1933), журналы о путешествиях «Всемирный следопыт» (1925–1931), «Вокруг света» (с 1861), советское и российское еженедельное литературное и общественно-политическое издание «Литературная газета» (с 1929), иностранные газеты: французская «Le Monde» (с 1944) и итальянская «Paese Sera» (с 1949).

Кроме того, присутствуют упоминания музыкальных произведений и театральных постановок: «Тропою грома» (балет К. Караева по одноименному роману П. А. Абрахамса), «Лючия де Ламмермур» (опера Г. Доницетти по роману В. Скотта «Ламмермурская невеста»), десятая симфония Шостаковича (исполнена на концерте Мравинского в декабре 1954 года), «Иван Сусанин» (опера М. И. Глинки, 1836).

Имена 215 актеров, писателей, поэтов, литературных и общественных деятелей, журналистов, критиков, знакомых Павла Улитина появляются на страницах книги. Все это показывает широчайший культурный, исторический и общественно-политический контекст, в который включен автор и все действующие лица.

Цитаты из романов русских и зарубежных писателей, аллюзии на стихотворения или их фрагменты, названия литературных произведений перемешиваются, нередко придавая ироничное звучание голосу автора в этом воображаемом диалоге.

«*WORK is a four-letter word*» (Работа – это слово из четырех букв) [14, с. 47] – это название комедийной пьесы Г. Ливингса (1968) без кавычек, отсутствие которых в данном случае дает возможность воспринять фразу буквально, как эвфемизм для нецензурного слова, которое в прямом смысле никогда не значит «работа». Эта отсылка раскрывает ироничное звучание голоса автора в мысленном диалоге с другом.

«*Лейтенант с лицом худощавой свиньи. Это был такой лохматый прозаик из Ленинграда, но мы не знали, что он пишет стихи*» [14, с. 54] – Улитин говорит об Александре Кондратове (1937–1993), неточно цитируя стихотворение самого Кондратова, где фигурирует «сержант с лицом худощавой свиньи».

«*Еще раз «дубина». Полено. Бревно*» [14, с. 75] – часть шутивно-оскорбительного стихотворения об учителе или учительнице немецкого языка с элементами имитации немецкой речи, которое было широко распространено среди учащихся школ в 30–40-е годы. Слово «дубина» как бы «тянет» за собой оставшийся текст стихотворения, так бывает, когда случайно слышишь слово из песни и невольно припоминаешь ее текст дальше, это свидетельство «текучести» и спонтанности сознания, которое переключается на песенку с совершенно не относящейся к ней темы.

«*За Далем Даль. Вот выйду на пенсию, буду писать юмористические рассказы*»; «*Вот что*

получилось со “Странной жадностью” закованный смотрю за красную ВУаль и вижу берег и за Далем Даль» [14, с. 102] – отсылка, с одной стороны, к поэме А. Твардовского «За далью – даль», с другой – к стихотворению А. Блока «Незнакомка»:

«*И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль*».

С другой стороны, замещение слова «даль» фамилией актера Олега Даля, который был на пике своей популярности во время написания книги и воспроизводил невероятно разнообразные образы в кино и театре, создает юмористический эффект.

Иногда интертекстуальные единицы выступают элементами, раскрывающими сомнения в выборе, о которых говорят действующие лица: это может быть сомнение в принятом решении или альтернативная точка зрения на обсуждаемую проблему.

«*“Мне голос был” – не было такого*» [14, с. 73]. Название стихотворения А. Ахматовой используется как реплика диалога. В данном примере ирония в том, что стихотворение говорит о нежелании и невозможности морального выбора в пользу отъезда из России, но воображаемый собеседник резко перебивает этот «голос» своей репликой, и читатель понимает, что в этом случае речь о сомнениях не идет, и человек твердо решил уехать.

«*Ах как нам хочется тосковать по России где-нибудь подальше от России, сажая белые березки под Парижем и глотая горький хлеб изгнания, читать лекции в Сорбонне опять же по-русски и на ту же тему: мы дети страшных лет России, увы, не помним ничего. Рожденные в года глухие пути не помнят своего. Он им читает “Мать моя родина, я большевик”, а они записывают и не чувствуют пародийность ситуации*» [14, с. 87]. Ироничный комментарий о ностальгирующих эмигрантах, которые грустят о родине, не имея ни малейшего желания там находиться, передает переиначенная цитата из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...»:

«*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего*».

Аллюзия на слова Болингброка из трагедии У. Шекспира «Ричард II» усиливает иронию. В переводе:

«*И я, склонясь под бременем неправды,
Дышать был должен воздухом чужбины,
Был должен есть изгнания горький хлеб*».

Строка из стихотворения С. Есенина «Иорданская голубица» создает контраст, который и раскрывает комичную двусмысленность ситуации.

«*One day they would decide to shoot him. You could not tell when it would happen, but a few seconds beforehand it should be possible to guess. ... It was always from behind, walking down a corridor. Ten*

seconds would be enough. Одного этого вполне достаточно» [14, с. 65] – точная цитата из романа Дж. Оруэлла «1984»: «Когда-нибудь они решат его расстрелять. Неизвестно, когда это случится, но за несколько секунд, наверное, угадать можно. Стреляют сзади, когда идешь по коридору. Десяти секунд хватит».

Еще одна цитата из романа «1984»: «*Under the spreading chestnut tree I sold you and you sold me*» [14, с. 77]. Это стихотворение написано на основе пасторальной песенки Г. Миллера о счастливой любви, где идиллия влюбленных перерастает в семью, а все их воспоминания связаны с каштановым деревом, которое стало символом их крепкого союза:

*«Underneath the spreading chestnut tree
I loved him and he loved me
There I used to sit up on his knee
'Neath the spreading chestnut tree*

*There beneath the boughs we used to meet
All his kisses were so sweet
All the little birdies went «tweet-tweet»
'Neath the spreading chestnut tree*

...

*Underneath the spreading chestnut tree
There he said he'd marry me
Now you oughta see our family
'Neath the spreading chestnut tree!»*

У Оруэлла песня звучит иначе и слышится мотив взаимного предательства и окончания всего:

*«Под развесистым каштаном
Продали средь бела дня –
Я тебя, а ты меня.
Под развесистым каштаном
Мы лежим средь бела дня –
Справа ты, а слева я».*

Аллюзии на роман «1984» повторяются в тексте, и это не случайно. В своем эссе «Почему я пишу» (1946) Оруэлл утверждал, что его произведения прямо или косвенно против тоталитаризма и за демократический социализм. В «1984» продолжают основные мотивы «Скотного двора» – преданная революция, опасность ограничения личных свобод, авторитарная диктатура, эксплуатирующая погрязшие ею же достижения революции [15, с. 7–14]. Цитируя разные произведения, П. Улитин как бы противопоставляет два мира: тот, который покидает «путешественник», и тот, куда он направляется.

«Did you see me paying the bill and running like hell? Did you see me swimming? So much for the writing on the wall. If you can keep your head, keep it, do it» [14, с. 74] – цитата из стихотворения Р. Киплинга «If» (в русских переводах имеет разные названия: «Заповедь», «Когда», «Если» и т. д.). Это стихотворение считается классическим поэтическим выражением стоицизма в викторианскую эпоху. Оно представляет собой напутствие молодому человеку строго придерживаться моральных

принципов и не отступать перед трудностями. Первые две строки наиболее близко к оригиналу перевел А. Зверев:

*«О, если разум сохранить сумеешь,
Когда вокруг безумие и ложь...».*

У Улитина тоже напутствие, но немного другого толка: «О, если разум сохранить сумеешь, сохрани его, сделай это».

«Вам жить. Вам решать. Вам думать. Одна книга так и называется “Размышления”» [14, с. 72]. Возможно, речь идет о книге «Размышления», которая представляет собой личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина, сделанные им в 70-е гг. II в. н. э. Они отражают стремление Марка Аврелия руководствоваться в своем мироощущении стоическим учением. Понимая, что будущего эмигранта ждут трудности в незнакомой для него стране, писатель призывает собеседника к тому же.

Выводы

Многочисленные упоминания публицистических и литературных произведений, имен писателей, исторических личностей, героев романов и пьес, названий фильмов и литературных произведений, цитаты из произведений русской и иностранной литературы не просто показывают широкий культурный и исторический контекст произведения Павла Улитина, но и придают многогранность его монологу. Они помогают выразить самые разные идеи, не озвучивая их напрямую. В зависимости от настроения голоса автора звучит то с иронией, то серьезно, напутственно. В потоке мыслей читаются реплики состоявшихся бесед или забытые и не сказанные вовремя слова. Все это делает прозу Улитина сложной для восприятия, но очень многогранной и интересной для изучения.

Литература

1. Урицкий, А. Чувство полета / А. Урицкий // Дружба народов. – 2002. – № 10. – URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/10/chuvstvo-poleta.html?ysclid=l7yzg0n973199349369>.
2. William, J. The Principles of Psychology / J. William. – London : Macmillan & Co., 1890. – 224 p.
3. Hurley, R. Stream of Consciousness in The Modern Novel / R. Hurley. – Berkeley and Los Angeles University Press, 1998.
4. Abrams, M. H. A Glossary of literary terms / M. H. Abrams. – Seventh edition. – Heinle & Heinle, 1999. – 386 p.
5. Barthes, R. Texte / R. Barthes // Encyclopaedia universalis. – Vol. 15. – 1973 – P. 803.
6. Allen, G. Intertextuality / G. Allen. – 2000. – 238 p.
7. Арнольд, И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) : лекции к спецкурсу / И. В. Арнольд. – СПб. : Образование, 1997. – 59 с.
8. Ivancic, R. Writing and identity: The discoursal

construction of identity in academic / R. Ivaric. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co., 1998.

9. Hebel, J. U. Intertextuality, allusion, and quotation: an international bibliography of critical studies / J. U. Hebel. – Greenwood Press, 1989.

10. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – С. 122–159.

11. Вежицкая А. Дескрипция или цитация / А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13 Логика и лингвистика. – М. : Радуга, 1982. – С. 237–262.

12. Арутюнова, Н. Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1.

13. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

14. Улитин, П. Путешествие без Надежды / П. Улитин. – М. : Новое издательство, 2006. – 208 с.

15. «Джордж Оруэлл: “Эссе. Статьи. Рецензии”». – Пермь, 1992. – Т. II. – С. 7–14.

Кириякова Елена Маратовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kiriakovaem@susu.ru

Поступила в редакцию 22 сентября 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh220412

INTERTEXTUALITY IN PAVEL ULITIN'S «HOPELESS JOURNEY»

E. M. Kiriakova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents an overview of the main ideas of modern researchers and literary scholars about the cultural and stylistic features of the prose of the cult writer of the 1980s Pavel Ulitin. The purpose of the article is to analyze some manifestations of intertextuality in Pavel Ulitin's book «Hopeless Journey» and to characterize the style-forming functions of this phenomenon. Intertextual units (allusions, reminiscences, quotes, references) are an integral part of the text. The following types of intertextual units were found during the analysis: transformed and untransformed quotations, reminiscences, and allusions. Intertextual units include names of films, musical and literary works, periodicals, quotations from poems, and other literary texts by Russian and foreign writers. In the article, we consider the role of quotations, reminiscences, and allusions, manifested on the semantic, artistic, and stylistic levels. Numerous intertextual units show the cultural and historical context and give multifacetedness to the author's monologue. They express the most different ideas without voicing them directly. These peculiarities make Ulitin's prose hard to understand but very multifaceted and challenging to analyze.

Keywords: Pavel Ulitin, intertextuality; allusions; quotes; montage prose; postmodernism; avant-garde; reminiscences.

References

1. Urickij A. Chuvstvo poleta [The Feeling of Flying] // Druzhba narodov. 2002. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/10/chuvstvo-poleta.html?ysclid=17yzg0n973199349369>.
2. William J. The Principles of Psychology. London: Macmillan & Co., 1890. 224 p.
3. Hurley, R. Stream of Consciousness in The Modern Novel. Berkeley and Los Angeles University Press, 1998.
4. Abrams M.H. A Glossary of literary terms. Seventh edition. Heinle & Heinle, 1999. 386 p.
5. Barthes R. Texte // *Encyclopedia universalis*. Vol. 15. 1973 P. 803.
6. Allen G. Intertextuality. 2000. 238 p.
7. Arnol'd I.V. Problemy dialogizma, intertekstual'nosti i ger-menevtiki (v interpretacii hudozhestvennogo teksta) [Problems of Dialogism, Intertextuality and Hermeneutics (in the Interpretation of a Literary Text)]: lekicii k spekursu. SPb.: Obrazovanie, 1997. 59 s.
8. Ivaric R. Writing and identity: The discorsal construction of identity in academic. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1998.
9. Hebel J.U. Intertextuality, allusion, and quotation: an international bibliography of critical studies. Greenwood Press, 1989.

10. Fateeva N.A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt inter-tekstual'nosti [Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality]. M.: KomKniga, 2007. S. 122–159.
11. Vezhbickaja A. Deskripcija ili citacija [Description or Cit] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. 13. Logika i lingvistika. M.: Raduga, 1982. S. 237–262.
12. Arutjunova N.D. Dialogicheskaja citacija (K probleme chuzhoj rechi) [Dialogic Citation (On the Problem of Someone Else's Speech)] // *Voprosy jazykoznanija*. 1986. № 1.
13. Suprun A.E. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie [Textual Reminiscences as a Linguistic Phenomenon] // *Voprosy jazykoznanija*. 1995. № 6. S. 17–29.
14. Ulitin P. Puteshestvie bez Nadezhdy [A Journey without Hope]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 208 s.
15. «George Orwell: "Jesse. Stat'i. Recenzii"» [«George Orwell: "Essay. Articles. Reviews"»]. Perm', 1992. T. II. S. 7–14.

Elena M. Kiriakova – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kiriakovaem@susu.ru

Received September 22, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кирикова, Е. М. Интертекстуальность книги Павла Улитина «Путешествие без Надежды» / Е. М. Кирикова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 99–105. DOI: 10.14529/ssh220412

FOR CITATION

Kiriakova E. M. Intertextuality in Pavel Ulitin's «Hopeless Journey». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 99–105. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220412